

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Политическое завещание танского Тай-цзуна «Правила императоров» («Дифань»)

И. Ф. Попова

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

В начале 648 г. второй император китайской династии Тан (618—907) — Тай-цзун (на троне с 627 по 649 г.) даровал наследнику престола Цзинь-вану Ли Чжи, будущему императору Гао-цзуну (на троне с 650 по 683 г.), наставление «Правила императоров» («Дифань»), состоящее из введения, заключения и 12 глав (*пянь*), разделенных на 4 части (*цзюань*).

Причисляя себя к основателям династии и мечтая о том, чтобы Тан не шла к упадку по закономерному пути ее предшественниц, Тай-цзун решил разъяснить наследнику подлинный смысл функций государя и подсказать, как управлять страной и подданными. «Здесь сказано о том, как совершенствовать себя и управлять государством», — сказал Тай-цзун, вручая «Дифань» [8, цз. 198, с. 6251; 16, цз. 2, с. 36]. Дававшее развернутый ответ на эти вопросы сочинение представляло собой свод предписаний, затрагивавших взаимоотношения государя с родственниками царствующего дома, сановниками, чиновничеством, а также с народом Поднебесной. Легитимность танской династии обосновывалась прежде всего с позиций ритуально-космологического мировоззрения, и такой подход, в отличие от этического, в определенной мере нарушал фиксированный конфуцианской традицией стереотип решающей роли бюрократии в политической жизни страны. В связи с этим «Дифань» оказался в меньшей мере востребованным политической идеологией Китая последующего периода, чем другое произведение, посвященное царствованию Тай-цзуна, — «Основы управления в период Чжэнь-гуань» («Чжэнь-гуань чжэньбяо»). Созданное в восьмом веке ученым-конфуцианцем У Цзином (669—749), оно на долгое время становится главным источником по истории политической мысли Китая означенного периода. Суть «Чжэнь-гуань чжэньбяо» сводилась к тому, что блистательные достижения периода Чжэнь-гуань расценивались как результат деятельности не только императора Тай-цзуна, но и целой плеяды его блестящих сановников. В этом случае заданная конфуцианством социально-культурная роль государя, правителя Поднебесной, реализовалась в наиболее высокой степени.

Библиографические сведения о «Дифань» довольно скудны. В «Старой истории династии Тан» («Цзю Тан шу»), например, сказано, что в 826 г. придворный историограф Вэй Гун-су преподнес трону комментарий двенадцати глав «Дифань», за что особым указом императора Цзин-цзуна (825—826) был пожалован сотней отрезков парчи и шелка [14, цз. 17.1, с. 9а]. Кроме комментария Вэя в танское время появился еще один — некого Цзя Сина, упоминаемый в «Новой истории династии Тан» («Синь Тан шу») [6, цз. 49, с. 16]. И в «Старой...» и

в «Новой истории династии Тан» указано, что «Дифань» состоял из четырех цзюаней. Наиболее подробные данные о первоначальном составе сочинения «Правила императоров» содержатся в труде Сыма Гуана (1017—1086) «Всеобщее обозрение событий, управлению помогающее» («Цзычжи тунцзянь», 1084), где указано, что «Дифань», написанный Тай-цзуном и дарованный наследнику в 648 г., состоял из двенадцати глав [8, цз. 198, с. 6251]. Приведенные далее названия полностью соответствуют названиям глав в «Дифань», изданном в 1936 г. в серии «Цуншу цзичэн» [11] и использованном для предлагаемого ниже перевода.

Текст «Дифань» дошел до наших дней полностью, хотя судьба его была не безоблачной. В сунское время сочинение было частично утрачено. Известная библиография Чао Гун-у (XII в.) «Библиографические заметки из кабинета областного правителя господина Чжао-дэ» («Чжао-дэ сяньшэн цзюньчжай душу чжи», 1151) представляет «Дифань» следующим образом: «"Дифань", [состоящий из] одного цзюаня, был сочинен танским Тай-цзуном. Всего [в нем было] двадцать глав (*пянь*), ныне имеется шесть» [16, хоучжи, цз. 2, с. 36]. В другой крупной библиографии периода Сун «Чжичжай шулу цзети», аннотированном каталоге частной библиотеки Чэнь Чжэнь-суня (1190—1249) [18], упомянута та же версия «Дифань», состоящего из одного цзюаня. В юаньское время текст «Дифань» был восстановлен ученым-конфуцианцем и комментатором У Лаем, который в 1326 г. обнаружил полный текст сочинения в провинции Юньнань [7, с. 343]. Очевидно, тогда же — в юаньское время — сложился анонимный комментарий к «Дифань», воспроизведенный в издании 1936 г. [7, с. 343; 11, тияо, с. 1]. В этом издании присутствует также краткая библиографическая статья, появившаяся не позднее 1774 г., когда император Цянь-лун (1736—1795) предпринял переиздание десяти тысяч книг и свитков из своей библиотеки [10, с. 1].

Специальных исследований о «Дифань» на китайском, японском или европейских языках, также как и переводов всего текста произведения на русский или другие европейские языки, обнаружить не удалось.

Ниже мы приводим наш перевод, выполненный по изданию «Дифань» в серии «Цуншу цзичэн» [11].

Танский Тай-цзун

Правила императоров

Введение

Я, государь, слышал, что великим [проявлением силы]-дэ [Неба и Земли] является порождение, а высшей ценностью [совершенномудрых людей] — [их] положение¹. Различия между высшими и низшими, правителем и подданными проведены для того, чтобы [можно было] воспитывать народ и формировать, как на гончарном круге, все сущее².

Сам я не просвещен и не мудр, не обладаю талантами ни к военным, ни к гражданским делам, но Великое Небо милосердным повелением³ остановило [свое] счисление [именно] на мне⁴. А разве можно недостойному получить божественные письма и, не имея заслуг, приобрести священную утварь⁵? Ведь известно, что река Цуйгуй одарила Тан Яо [письменами]⁶ за добродетель-дэ, а Ся Юю скипетр цвета Неба был пожалован за выдающиеся заслуги⁷. Красная надпись означала счастливое предзнаменование, и чжоуский [Вэнь-ван] положил начало восьмисотлетнему царствованию⁸. Белое божество символизировало счастливый знак, и ханьский [Гао-цзу] заложил основу двухвековой династии⁹. Из этого видно, что основание династии достигается вовсе не с помощью физической силы и борьбы.

Прежде, во времена Суй, царил хаос¹⁰, [все] среди морей дробилось и рушилось. Покойный Божественный император¹¹, обладая чудесными военными талантами, упорядочил и скрепил [нарушенное]¹²; разрубил волшебную змею¹³ и основал династию; обрел золотое зеркало¹⁴ и возвысился до звезды Шу¹⁵.

Но при этом пять пиков задержали в себе дух-ци¹⁶, три светила¹⁷ затмили свой блеск, хищные звери¹⁸ продолжали приносить несчастья, а ветер, несущий пыль, не утихал.

Будучи молодым [тогда]¹⁹, я был охвачен неудержимыми стремлениями и думал, как устранить великие бедствия и помочь народу. Я надел латы и шлем, чтобы лично участвовать в сражениях²⁰. [Бывало так, что] вечером я выступал против

войск, [сомкнувших ряды], подобные рыбьей чешуе²¹, а утром сражался с армиями, построенными в виде журавлиных крыльев²². Не было такого крупного противника, которого бы [я] не разбил, и такого мощного оружия, которое бы [я] не сокрушил. [Я] уничтожил китов²³ и очистил моря²⁴, устранил кометы²⁵ и расширил восемь земных пределов²⁶. И теперь я плыву по благословенной Небесной реке²⁷ и поднялся до сияющих звезд Сюань и Цзи²⁸. Я наследовал вечное дело [великих людей, излучавших] двойное сияние²⁹ и преемствовал возвышенную основу для [моей] Великой ценности³⁰.

Однако при этом я охвачен страхом подобно тому, кто ступает над бездной [по тонкому льду] или правит лошадьми с помощью гнилых [вожжей]: изо дня в день я думаю о том, будет ли хорошее начало иметь достойное продолжение.

[Мой сын]³¹, с детства ты сосредоточил на себе мою любовь, но тебе часто недостает справедливости, и бывает, ты нарушаешь родительские наставления. [Я] призвал [тебя] из приграничной крепости³², пожаловал титулом, соответствующим Малому Ян³³, но ты не различаешь ритуала для правителей и подданных и не ведаешь трудностей посева и жатвы³⁴. Я каждой мыслью печалюсь об этом, постоянно отказываюсь от сна и забываю о еде.

[И поэтому для своего наставления тебе] из всех правителей — от возвысившихся до небес³⁵ до императоров [Северной] Чжоу и Суй — я выбрал [в пример] государей, располагавших Небо по утку, а Землю по основе³⁶ и проследил пути расцвета и упадка, порядка и смут.

Вот почему [я] отразил, как в зеркале, деяния прошлого, просмотрел множество исторической литературы и выбрал в ней главное для предостережений потомкам.

Часть первая

Глава первая. Сущность правителя

Известно, что сначала появился народ, а потом государство³⁷. Государство — это опора для правителя.

Правитель подобен горам и пикам, возвышенным и непоколебимым, подобен солнцу и луне, непрерывно излучающим сияние³⁸ и озаряющим все вокруг. [Правитель — это] тот, на кого

смотрит множество людей, тот, к кому присоединяются [все] в Поднебесной³⁹. Его устремления широки настолько, что охватывают [все сущее], его помыслы определены настолько, что упорядочивают [все сущее]. Если [правитель] не имеет грозной добродетели⁴⁰, [он] не может достичь дальних [пределов]. Если он не имеет широкой отеческой любви, то не может заботиться о народе.

Успокаивая девять родов⁴¹, [государь] пользуется гуманностью, во взаимоотношениях с сановниками — этикетом; почитая предков, думает о сыновней почтительности; занимая трон — о вежливости⁴²; пренебрегая собой, [он] неустанно трудится и поступает в соответствии с добродетелью.

Вот в этом и заключается сущность правителя.

Глава вторая. Жаловать родственников уделами

В шести направлениях [пространства]⁴³ пролегают бесконечные дороги, а обладание тронem предполагает выполнение важных дел. Бесконечным пространством нельзя управлять, имея власть лишь над его частью, и поэтому управляют им совместно с другими людьми.

В связи с этим [государь должен] жаловать родственникам уделы, создавая заслон и защиту [для правящего дома]⁴⁴. Ведь и в спокойствии и в опасности [монарх и его род] представляют собой неразделимую силу; и в процветании и в упадке имеют единое сердце. Находясь и на отдаленном, и на близком расстоянии, [они] взаимно поддерживают друг друга, состоящие и в близком, и в дальнем родстве, — используют друг друга. Поэтому пути для взаимных нападений преграждаются, смутных периодов не возникает.

В древности, после воцарения Чжоу разграничили [территорию] по горам и рекам, разделили [ее] среди родственников правителя⁴⁵ и внутри получили помощь от [уделов] Цзинь и Чжэн, а у границ стали пользоваться как заслоном Лу и Вэй⁴⁶. Поэтому по результатам гаданий [Чжоу] выпало царствование необычайно продолжительное — несколько сотен лет. В период Цинь отвергли замыслы Чуньюй [Юэ] и последовали плану Ли Сы⁴⁷ не отнеслись, как подобает к своим родственникам, единственной мудростью сочли собственную мудрость, а потому во время крушения [династии Цинь] не на кого было опереться, и после [второго императора], Эрши-[хуана], она погибла.

Разве так не подтверждается истина, что дерево с густыми листьями и ветвями трудно выдернуть с корнем, а тело⁴⁸, утратившее руки и ноги, не имеет опоры?

В начале [эпохи] Хань [ее правители] успокоили Гуаньчжун⁴⁹ и, будучи предостереженными ошибками погибшей Цинь, раздали своим ближайшим родственникам в уделы обширную территорию⁵⁰, выйдя [при этом] за рамки древней системы [пожалований]⁵¹. [В результате] крупные [властители] стали вторгаться в столицу и присоединять [соседние] уделы, а мелкие — захватывать округа и области.

Когда верхушка становится велика — это опасно, когда хвост тяжел — трудно размахивать. Мятежнические устремления, взлелеянные шестью ванами⁵², карательные походы против семи князей, получивших топоры и секиры⁵³, — все это было следствием расширения территории, усиления армии и накопления запасов [удедами].

У-[ди]⁵⁴, основавший династию Вэй, не был дальновиден в замыслах: к уделам своих сыновей и младших братьев он не приписал людей, а другим родственникам вообще не дал земли. У границ [его государства] не было сторожевых городов для обеспечения покоя, а внутри не было каменной глыбы в фундаменте⁵⁵. В результате великая утварь перешла к постороннему человеку, а алтари Земли и Злаков захватил другой род⁵⁶.

Говорят, когда поток истощается — иссяк источник, когда ветви увядают — засох корень. Такова суть вышеизложенного.

Итак, когда жаловали удедами и приводили к чрезмерному усилению, то потом кусали себе локти, а когда доводили до чрезмерного ослабления — не имели прочной основы.

Поэтому скажу: лучше всего во множестве ставить императорских родственников удельными правителями и обуздывать их, добиваясь, чтобы по силе все они были равны, а в горе и в радости едины. Если удастся достичь этого, тогда высшие не будут иметь в сердце недоброжелательности и подозрительности, а низшие не пожелают напасть и обидеть. Эти два [условия] — основа умиротворения государства.

Обширность силы-дэ правителя заключается в способности проникать повсюду. Государь разделяет обязанности, издает указы и с помощью техники управления⁵⁷ преобразует людей. [Он] упорядочивает течение вещей, обеспечивает регулярный ход времени и с помощью Пути-Дао управляет природой. Сверхъестественное и сокровенное в технике управления остается непостижимым⁵⁸, блистательное и огромное в Дао воплощается в со-

вершенных деяниях. [Правитель] охватывает светлое небо и воплощает его в [своем] сердце — тогда люди, подняв голову, смотрят и не могут его измерить. [Он] обнимает обильную землю, делает ее мерой [своего существа] — и тогда люди опираются на него и не обнаруживают его пределов. Он так огромен, что трудно дать ему истинное название⁵⁹.

Если говорить об искренней любви к девяти родам своих родственников⁶⁰, то в древности был Фан-сюнь⁶¹, который прославился этим. Затем появился Чжун-хуа⁶², который оставил о себе добрую молву, так как умел ладить [с недобродетельными членами своей семьи] и способствовать [их] продвижению к добру. Как нельзя допустить, чтобы порок победил добротворство, так нельзя и не делать различий в отношении к близким родственникам и чужим людям.

Из этого ясно, что если [правитель] обладает силой-дэ, то государство всесторонне процветает, в семье не бывает беспокойства и наступает великая благодать.

Глава третья. Искать мудрецов

Известно, что для помощи в государственных делах следует приглашать верных и добропорядочных.

Если умело подбирать на службу нужных людей, то порядок в Поднебесной установится сам собой. Поэтому император Яо назначил советников-сыюэ⁶³, а император Шунь выдвинул восемь совершенных⁶⁴. Благодаря своим советникам Яо достиг вершины благоговейности⁶⁵, а Шунь с помощью восьмерых совершенных придерживался Пути почтительности и просвещенности.

Служилый человек находит свое предназначение в жизни, а мудрец увековечивает себя навсегда. [Но при этом среди мудрецов] не было таких, кто бы [до поры] не скрывал фениксовых крыльев и не прятал драконьей чешуи в ожидании попутного ветра и облаков⁶⁶, кто бы не таил удивительных талантов, не накапливал исключительных способностей, думая о встрече [с просвещенными правителями].

Поэтому просвещенные государи повсюду искали одаренных людей. Постоянно разузнавали [о них] среди талантливых и мудрых, выявляли среди живущих в глуши и недостойных⁶⁷. Не бывало, чтобы кого-то не использовали потому, что он был унижен, и не уважали потому, что он был опозорен.

Прежде И-инь был слугой, перешедшим [к Чэн Тану] в качестве приданого [девушки] из рода Юсинь⁶⁸; Люй-ван был

бедным старцем с берега реки Вэй⁶⁹; И-у был опозорен тюремными путами⁷⁰; а изъян Хань Синя заключался в том, что он перебежал [от одного хозяина к другому]⁷¹. Но шанский [Чэн] Тан не счел бесчестьем работу, связанную с кухонными треножниками и досками⁷², а Вэнь-[ван] из рода Цзи не посчитал унижительными занятия мясника и рыбака⁷³. В результате [И-инь] сумел наставить [правителя перед приездом] в Цзинбо⁷⁴, чем необычайно помог дому Инь, а [У-ван, принявший назидания Люй-вана], держал бунчук в Муе⁷⁵ и установил [в Поднебесной] власть династии Чжоу. [Княжество] Ци добилось порядка [в стране], так как воплотило в жизнь политику Чжунфу⁷⁶, [династия] Хань территорию в шести направлениях⁷⁷ сделала [единым] государством, поскольку воспользовалась планом Хуайинь-хоу⁷⁸.

Вот и получается, что, когда на корабле переплывают море, работают веслами, когда птица⁷⁹ поднимается в облака, она пользуется крыльями, а когда правитель занимается государственными делами, он непременно прибегает к помощи мудрых людей. Поэтому, когда государь ищет их, он усердно трудится, а когда использует — отдыхает.

Жемчужины, освещающие по двенадцать колесниц⁸⁰, тысячи золотых монет разве можно сравнить с силой воинской рати и со значением одного мудреца?

В этом состоит важность поиска мудрых.

Часть вторая

Глава четвертая. Быть внимательным, назначая на должности

Известно, что, учреждая должности и разделяя обязанности, [правитель] осуществляет преобразование и воспитание.

В сущности, мудрый правитель использует людей подобно тому, как искусный плотник разделяет дерево. Прямой ствол используется для оглобли, изогнутый — для колеса, длинный — для коньковой балки, короткий — для стропила. Независимо от того, изогнутый или прямой, длинный или короткий, каждый ствол может быть применен. Мудрый правитель использует людей подобным же образом. Он опирается на замыслы умного человека, на физическую силу глупца, на грозность храбреца,

на осторожность труса. Независимо от того, мудрый или глупый, храбрый или трусливый, каждый служит государю. Таким образом, как для искусного плотника нет непригодного материала, так и для мудрого правителя не должно быть отвергаемых чиновников.

Из-за одного злодеяния правитель не должен забывать их добродетелей, а из-за небольшого недостатка пренебрегать их заслугами. [Он] распределяет дела управления, разделяет функции, предельно используя то, что имеется в его распоряжении.

Если [государь] поступает так, то треножник, вмещающий буйвола, он не сочтет возможным использовать для варки курицы, а кошку, ловящую мышей, не сочтет возможным заставлять охотиться на [крупных] зверей. В сосуд, вмещающий один цзюнь, он не сочтет возможным вместить воды [рек] Цзян и Хань, а в колеснице, перевозящей по десять ши, не сочтет возможным перевозить по одному *доу* или одному *шао* зерна⁸¹. Ведь большим не измеряется малое, а легким — тяжелое. У людей мудрость бывает мелкой и великой, способности — большими и малыми. Какой-то [правитель] собирает к себе на службу сотню человек и приобретает мало, а какой-то приглашает одного и получает много. Того, кто обладает незначительными талантами, нельзя назначить на важный пост. Того, кто имеет малые способности, нельзя использовать на многозначущей должности. Назначив на должности и возложив обязанности, [государь] без особого труда осуществляет преобразование народа.

Вот всем этим и следует руководствоваться, назначая на должности. В том, как это выполняется, заложен источник порядка и смут.

Создавая государство и повелевая народом, [правитель] использует своих ближайших помощников⁸², добродетель-*дэ* которых совпадает [с его собственной силой-*дэ*]⁸³. Распространяя гуманные нравы и вводя прекрасные обычаи, он ожидает просвещенных и мудрых, воплощающих его помыслы.

Скопления созвездий раскинулись по небу, усиливая свет луны. Множество рек растекается по земле, увеличивая глубины морей. Вот так глубина моря и сияние луны становятся еще больше за счет богатства [рек и звезд]. Правитель управляет низшими, объединяет триаду⁸⁴, контролирует течение времени. Он один, неся в себе сердце величиной в квадратный цунь, охватывает территорию из девяти областей⁸⁵. И разве достигнет он в этом успеха, не использовав множества [помощников]? Поэтому [государь] должен иметь четкое представление об обязан-

ностях чиновников, внимательно относиться к мудрецам, отбирать на службу талантливых и назначать им [соответствующее] жалованье.

Когда [правитель] приобретает нужных ему людей, то гуманные нравы и преобразование изливаются [на народ] повсеместно. Когда же он допускает ошибки в их использовании — неудачные указы вредят людям.

Поэтому скажу, что даже мудрые считали это трудным, а лучшие — заслуживающим серьезного отношения⁸⁶.

Глава пятая. Внимать увещаниям

Известно, что правитель, занимая трон, должен быть вседержавшим, но [собственные] его зрение и слух недостаточно остры. Государь опасается, что не заметит своих промахов, а недостатки его некому будет восполнить. Поэтому он приказывает [бить] в барабаны и устанавливает столбы [для написания на них порицаний]⁸⁷; он обдумывает предложения подданных; чутко прислушиваясь и открыв сердце, ждет справедливых речей.

Когда высказывают истину, то пусть даже она исходит от простолюдинов⁸⁸, ею нельзя пренебрегать. Когда же говорят ложь, то пусть даже она исходит от знатных людей^{88a}, нет необходимости принимать ее во внимание. Когда предлагаемое можно использовать, не упрекают за витиеватый стиль. Тот, кто сломал [дворцовые] перила, стремясь помочь государю, таким образом предостерег его⁸⁹, а тот, кто потянул императора за полу, убеждая его, выразил упрек в его адрес⁹⁰.

Поэтому скажу: преданный [подданный] непременно исчерпывает свое сердце, а мудрый — отдает все свои помыслы. Подданные не должны иметь устремлений, отличных [от устремлений] правителя, а правитель обязан повсеместно распространять свое сияние на низших.

Когда правитель невежествен, тогда все иначе. Тех, кто упрекает [его], он обрывает и строго карает; тех, кто советует, он пресекает и подвергает наказанию. Крупные сановники опасаются за жалованье и не выступают с критикой, мелкие чиновники боятся кары и молчат. [Такой правитель] не обуздывает жестокости и усиленно предается пороку. Он изолирует себя, не имеет источников знания, считает, что добродетелью затмевает трех властителей, талантами превосходит пять императоров⁹¹. В результате погибают и он сам, и его государство.

Разве такое не достойно скорби? А проистекает оно из того, что правитель отклоняет добрые советы.

Глава шестая. Отстранять клеветников

Известно, что клеветники и льстецы — это скрытые враги⁹² государства.

Они борются за [собственную] славу и процветание и утром и вечером. Стремятся к могуществу при дворе и к выгоде в торговых сделках. Из-за своего льстивого характера они злятся, что верные и мудрые стоят выше их. Из-за своих коварных устремлений боятся, что богатые и знатные не будут [по положению] прежде них. Они находят единомышленников, заручаются их поддержкой, и нет такого отдаленного уголка, куда бы они не проникли. Они сближаются с недостойными, опираются на них, нет такого высокого положения, которого бы они не достигли. С помощью приукрашенной внешности и ловких речей⁹³ они надеются сблизиться с высшими. Предупреждая желания и выполняя указания правителя, пытаются доставить ему удовольствие.

При дворе была тысяча сановников, но Чжао-гун покинул свой удел, не получив от них разъяснений о своих просчетах⁹⁴. О том, что упругость лука не имеет десяти ши, Нинь-и не узнал до конца жизни⁹⁵. [Княжество] Сун, опиравшееся на дальних родственников и отдалявшее близких, понесло вред от И Лэ⁹⁶. [Княжество] Чу, приближавшее коварных и отстранявшее честных, подвергло наказанию Си Ваня⁹⁷.

Здесь говорится о тех, кто вводит в заблуждение непросвещенных правителей и заурядных государей, тех, из-за кого плачут и получают несправедливые наказания верные подданные и почтительные сыновья⁹⁸. Густые орхидеи^{98a} готовы зацвести, но осенний ветер ломает их. Правитель стремится к полному уяснению происходящего, а клеветник мешает ему. В этом состоит опасность, исходящая от коварных льстецов.

Льстецы и клеветники — это главное из того, что может угрожать государству.

Когда [правитель] совершенствует себя, оттачивает свое поведение, он не ставит ничего выше правдивой речи. Когда же он нарушает нормы нравственности, попирает справедливость, то для него нет ничего выше клеветы.

Все человеческие лица сходны в том, что имеют пространство между глазами, но невозможно увидеть его на своем лице. И истина, и ложь — обе не имеют телесной формы, и разве можно в одиночку различить их? Если так, то почему же все, кто приукрашивает свою внешность, понимают, что нужно взглянуть в чистое зеркало, а те, кто совершенствует свою добродетель,

тель, не осознают, что необходимо расспросить мудрых людей. Если глаза не обладают незаурядной зоркостью, то сколь же велики бывают заблуждения!

Наибольшие [ошибки] происходят из-за того, что неприятным для слуха словам трудно внимать⁹⁹, а угодным для сердца речам легко следовать. То, чему трудно внимать, [подобно] горечи лекарства, а то, чему легко следовать, [подобно] сладкому яду.

Мудрый государь внимает увещеваниям, и тогда его недостатки могут исчезнуть благодаря горечи [правдивых слов], невежественный правитель следует угодливым речам, и его благополучие иссякает из-за елейных [слов льстецов].

О, разве это не есть предостережение!

Часть третья

Глава седьмая. Остерегаться излишеств

Правитель должен быть скромн, поскольку он воспитывает свои природные данные, он должен быть спокоен, так как совершенствует себя.

Когда [правитель] скромн, народ не ведает усталости. Когда он спокоен, низы не бунтуют. Когда народ устает, растет его враждебность. Когда низы бунтуют, дела управления приходят в беспорядок.

Если правитель любит редкие безделушки, сладострастную музыку, хищных зверей и птиц, если в поездках [по стране] не знает меры и охотится вне установленного срока, тогда увеличиваются повинности. Когда увеличиваются повинности, то истощаются силы народа. Если истощаются силы народа, приходят в упадок земледелие и шелководство. Если правитель любит высокие башни и глубокие бассейны, драгоценные вещицы, искусно сделанные из жемчуга и нефрита, расшитые узорами¹⁰⁰ тонкие или грубые полотна, тогда растут налоги. Когда растут налоги, то талантливые люди покидают [правителя]. Когда талантливые люди покидают [правителя], то начинаются голод и холод.

Государи смутных периодов доводили до предела свое высокомерие и расточительность, не сдерживали желаний и наклонностей. Земля и деревья украшались желтыми узорными шелками, а для людей не хватало грубой одежды. Собаки и кони пресыщались кормом, а для людей не доставало скудной пи-

щи¹⁰¹. Поэтому народ и духи были недовольны, а высшие и низшие разобщены. Блаженства еще не исчерпались, а опасность уже подступила.

В этом заключается опасность, исходящая из высокомерия и расточительности.

Глава восьмая. Почитать бережливость

Известно, что государи, чье правление было [признано] мудрым, жили скромно.

Богатство и знатность, обширную территорию и высокое положение они оберегали с помощью умеренности; пронизательность и мудрость, чуткость слуха и остроту зрения сохраняли с помощью сосредоточенности на главном¹⁰². Не возвеличили свою персону и не относились пренебрежительно к другим. Не кичились своей добродетелью и не хвалились ею перед людьми. Крыли крыши [своих жилищ] соломой, не подстригая [стрехи], делали балки из низкосортного дуба, не обтесывая их. Лодки и повозки у них не были украшены, одежда не имела узоров, земляные ступени не были высоки, грубая похлебка не заправлена. Они ненавидели славу и удовольствия и поэтому жили скромно и бережливо. Вот почему нравы [в их государстве] были добры, обычаи просты, из дома в дом каждый заслуживал знатности.

С бережливости или расточительности начинаются слава или позор государства.

Когда [правитель] демонстрирует народу бережливость — сам он спокоен, а когда расточительность — пребывает в опасениях. Когда пять органов чувств почти закрыты¹⁰³, благоденствие ниспосылается надолго, когда тысяча желаний подтачивает изнутри, источник беды распространяется вовне. Точно так же тля, таящаяся в коричном дереве¹⁰⁴, в конце концов убивает его замечательный аромат, а дым, зарождающийся в ярком пламени, заслоняет затем бушующий огонь.

Из вышеизложенного видно, что высокомерие возникает из-за страстей. Если не обуздывать их, они приведут к упадку. Желания захватывают сердце. Если не подавлять их, они приведут к гибели.

В прежние времена [тираны] Цзе и Чжоу давали волю своим стремлениям, и беды следовали одна за другой. Яо и Шунь сдерживали себя, и блаженство ниспосылалось долгое время.

О, разве можно не быть старательным, [когда дело касается бережливости]!

Глава девятая. Награждать и наказывать

Известно, что Небо пестует все сущее, подобно тому, как государь правит народом. Небо считает добродетелью смену холода и жары, государь считает главным гуманность и любовь. Если стужа и жара наступают своевременно, то не происходит стихийных бедствий и эпидемий. Если ветер и дождь не приходят в срок, тогда ежегодно случаются голод и холод. Когда гуманность и любовь [правителя] распространяются на низших, люди не знают нужды. Когда государевы указы и наставления идут вразрез с общепринятыми нормами, в делах управления появляются ошибки.

Поэтому необходимо ликвидировать причины бед народа и изыскивать для него источники выгоды. Необходимо четко определять наказания, чтобы воздействовать на него устрашением, объявлять о наградах, чтобы преобразовать его. Когда утверждается [принцип] устрашения, творящие зло — боятся. Когда осуществляется гуманное преобразование, несущие добро — радуются. Тому, кто думает о себе и отступает от Пути-Дао, не прибавляют за это жалованья. Того, кто пренебрегает собой и заботится о государстве, не подвергают за это каре. То есть награда вручается за деяния [на благо государства], а не за услуги, оказанные лично правителю, а кара соответствует преступлению наказуемого, а не определяется злом, которое он держит на правителя.

Об этом в «Шуцзине» сказано: «Без отступлений, без привязанностей — беспределен Путь правителя!»^{104а}

Таковы принципы определения наград и наказаний.

Часть четвертая

Глава десятая. Опирается на земледелие

Пища для народа все равно что Небо, а земледелие — главное государственное дело. Когда житницы полны, [люди] помнят о ритуале. Когда одежды и еды вдоволь — стремятся к бескорыстию и скромности. Поэтому я лично вспахиваю бороз-

ду в Восточном предместье¹⁰⁵ и почтительно вручаю народу календарь¹⁰⁶.

Когда государство не имеет запасов на девять лет, оно не в состоянии принять мер против наводнений и засух. Когда в нем нет одежды на один год, [народ] не может защитить себя от холода и жары. Если так происходит, то в народе никто не привязывает к поясу телят и коров¹⁰⁷, все пренебрегают истинным и устремляются к ложному, гонятся за ничтожной выгодой и отказываются от занятий земледелием и шелководством.

Когда один человек обрабатывает землю, а сто человек едят, это считается несчастьем большим, чем осеннее нашествие саранчи. Поэтому лучше всего пресекать расточительность и поощрять занятия земледелием и шелководством, заставлять народ обращаться к своему основному [занятию], а обычаи к своей подлинности. Тогда у многих наперебой друг с другом будут возникать устремления к гуманности и справедливости, а путь алчности и жестокости будет навечно прегражден. Это является основой для усиленного занятия земледелием.

Два момента составляют суть преобразования: воспитывая простой народ, [правитель] пользуется угрозами и милостями. Милостью можно умиротворить, и тогда варвары будут стремиться подпасть под благотворное влияние, подобно тому, как, пережив холодное [время года], ловят лучи весеннего солнца. Грозностью можно устрашить, и тогда все в Китае будут бояться попасть в [жесткую] упряжь, подобно тому, как, ступая по лезвию ножа, опасаются раскатов грома над головой. Поэтому [в делах управления] нужно действовать и грозностью и милостью, одновременно использовать и твердость и мягкость. Когда рисовывают [одежду] в наказание¹⁰⁸ — прекращаются преступления, когда переносят столб — не бывает обмана¹⁰⁹. Если награды и наказания четко определены, то добро и зло различаются. Если гуманность и искренность правителя явственны повсеместно, то далекие и близкие сердца едины.

Если поощрять усиленное занятие земледелием, то не будут страшны бедствия¹¹⁰. Если пресекать расточительность и любовь к роскоши, то это принесет большую выгоду.

Известно, что правитель воздействует на низших подобно ветру, пригибающему траву¹¹¹, и если он не соблюдает норм морали в осуществлении желаний, то низшие становятся распущены в стремлениях. Если правитель не ограничивает себя и [в то же время] запрещает людям предаваться пороку, это все равно что, гневаясь на горящее пламя, подбрасывать хворост и надеяться, что оно погаснет, или, сердясь из-за того, что вода мут-

ная, взбалтывать ее, желая, чтобы муть улеглась. [А ведь таким образом желаемого результата] достичь невозможно.

Самое лучшее [для государя] — это сначала совершенствовать себя, и тогда люди, [даже если он] и не скажет ничего — станут преображаться.

Глава одиннадцатая. Обращать внимание на военное дело

Известно, что оружие и доспехи — жестокое средство, к которому прибегает государство.

Когда территория обширна и любят войну, то людям [все равно] будет тесно. Когда в государстве спокойно и любят войну, то люди [все равно] будут в опасности. Стесненность [народа] — это не метод для сохранения целостности [государства], а пребывание [людей] в опасности — это не способ для сохранения спокойствия от внешних врагов.

Военное искусство нельзя полностью игнорировать, но нельзя и постоянно применять. Поэтому когда военному делу обучаются во время, свободное от сельскохозяйственных работ, это соответствует соблюдению этикета.

Гоу-цзянь поклонился лягушке и в итоге стал гегемоном¹¹², а Янь пренебрегал военными делами и в конце концов погубил свое княжество¹¹³. Так произошло потому, что Гоу-цзянь укреплял военную мощь, а Янь забыл о военных занятиях.

Конфуций говорил: «Не учить людей воевать — значит, бросить их на произвол судьбы»¹¹⁴. Из этого видно, что грозность лука и стрел должна служить пользе Поднебесной.

Вот важнейшие принципы использования военной силы.

Глава двенадцатая. Ценить гражданские занятия

Свершив подвиги — творят музыку, утвердив порядок — определяют ритуал.

Добиваясь расцвета ритуала и музыки, берут за основу конфуцианство. Когда [правитель] пестует нравы и устанавливает обычаи, [для него] нет ничего лучше, чем опираться на просвещенность¹¹⁵. Когда [он] дарует умственный свет, поучает народ истинам, [для него] нет ничего лучше, чем полагаться на ученость¹¹⁶. С помощью просвещенности [правитель] добивается расцвета Пути-Дао, а с помощью учености развивает умственные силы людей.

Не побывав в глубоких ущельях, не оценишь толщины земли, не изучив литературных произведений, не постигнешь источника мудрости и знаний. Подобно тому, как [стрела], обладающая свойствами бамбука [из княжества] У¹¹⁷, без хвостового оперения не будет красивой, [государь], обладающий природной мудростью, без приобретенной учености не добьется успехов. Вот поэтому [я] воздвиг Зал Света и создавал [для себя] учебные кабинеты.

Если [правитель] хорошо разбирается в сочинениях мыслителей всех философских школ, если [он] достиг совершенства в шести искусствах¹¹⁸, [он может] чинно сложить руки, зная [обо всем, что происходит] в Поднебесной, [может] придерживаться надеяния, понимая [при этом] и древность, и современность.

Но разве только ученость вызывает добрую молву [о государе], побуждая к замечательным деяниям, разве лишь из-за нее блеск [государя] никогда не ослабевает? Кроме учености-сюэ — это еще и просвещенность-сюэ, а также искусство управления-шу.

Таким образом, в государстве попеременно используются два вида занятий — военные и гражданские. Когда великий дух войны охватывает землю, а успех и поражение находятся на кончике копья, когда волны разрушений вздымаются до небес, а расцвет и упадок зависят только от боевого порядка, — в такой момент ценят щит и копье и пренебрегают обучением¹¹⁹. Когда же страна среди четырех морей и пяти пиков спокойна, когда волны и пыль не поднимаются, когда ограничивают излишнюю грозность, проявлением которой являются семь достоинств¹²⁰, и распространяют великое преображение с помощью девяти заслуг¹²¹, то в такой момент забывают о боевых доспехах и высоко ценят «Ши цзин» и «Шу цзин».

Из этого видно, что гражданские и военные занятия равнозначны. Ни от того, ни от другого отказаться невозможно. Периодам мира и смуты — каждому соответствует необходимое занятие.

Из воинов и ученых разве можно пренебрегать одними в ущерб другим?

Заключение

В этих двенадцати главах изложены важнейшие правила императоров, сказано, [чем надлежит руководствоваться] в спокойствии и опасности, в расцвете и упадке.

Древние говорили: знать — нетрудно, а вот осуществлять — нелегко¹²². Но к осуществлению можно приложить старание, а вот довести до конца действительно трудно.

Вот поэтому среди жестоких и необузданных правителей не было таких, которые бы шли исключительно по пути зла, а среди мудрых и проницательных не было таких, которые бы придерживались только пути добра. Так происходило из-за того, что великий Путь-Дао обширен и ему трудно следовать, а тропинка порока узка и от нее легко отклониться. Низкий человек довольствуется тем, что следует по легкому пути. Он не может идти по трудному, и несчастье настигает его. А благородный человек стремится придерживаться трудного пути, он не способен пребывать на легком, и поэтому благодать стекается к нему.

Благоденствие и несчастье, как видно, не приходят сами по себе. Только люди творят их. К исправлению своих ошибок необходимо устремляться, пока есть возможность, а беды нужно остерегаться заранее.

[Ты, Наследник,] должен выбрать в качестве образца мудрых правителей [древности], а не считать примером меня, твоего отца. Известно, что те, кто берет пример с совершенных, являются всего лишь их последователями, а те, кто берет пример с последователей, оказываются ниже всех. Сам я не обладаю добродетелью совершенных, поэтому нельзя мне подражать, но с тех пор, как вступил на престол, Я многое осуществил.

Роскошные одежды и украшения, узорные вышивки и драгоценные камни не имели числа, когда Я находился на троне. Это проистекало от несдерживаемых желаний. Резные колонны и стропила, высокие башни и глубокие бассейны неизменно создавались за счет повинностей народа. Это происходило из-за необузданных вожделений. Не было такой дали, где бы [для меня] не искали собак, коней, соколов. Это было не знавшей меры страстью. Я часто выезжал в провинции и этим безмерно утруждал народ. Так происходило из-за того, что Я не соблюдал себя. Это моя глубокая ошибка. Считать это образцом и подражать этому в будущем — нельзя.

Но при этом Я поддержал и вскормил все сущее. И эта принесенная мною польза значительна. Я упорядочил и взлелеял все сущее. И эта моя заслуга велика. Когда польза велика, вред мал — люди не ропщут. Когда заслуги огромны, а ошибки мизерны — добродетель не имеет изъяна.

Хотя Я заслужил выдающуюся славу, многое [у меня] вызывает стыд. Хотя Я придерживался совершенного Пути-Дао, оглядываясь на свою жизнь, Я ощущаю угрызения совести.

А уж ты, [Наследник,] не имеешь и самых незначительных заслуг. Ты наследуешь уже созданную основу. И если, вступив

на престол, ты будешь возвеличивать добро и приумножать добродетель, то [наша] династия будет процветать, а сам ты будешь спокоен. А если же ты будешь давать волю своим чувствам и предаваться пороку, то династия придет в упадок, а сам ты погибнешь.

Основа государства медленно создается и быстро разрушается. Императорский престол с трудом приобретается и легко утрачивается. Так разве можно не болеть душой об этом!

Комментарии

1. «Великим [проявлением силы]-дэ Неба и Земли является порождение (*шэн шэнь*). Высшей ценностью совершенномудрых людей является их положение (*вэй цзюнь*)» [2, цз. 3, с. 120]. Это утверждение содержится в «Си цы чжуань», комментарии к «И цзин». Порождение, т. е. способность Неба и Земли порождать сущее, поставлено в один ряд с положением, местом в обществе совершенномудрых людей. Занимая подобающее своим способностям положение, совершенномудрый выполняет функции, сравнимые по значимости с важнейшим свойством Неба и Земли — порождением, поэтому положение и является Великой ценностью, которую надлежит охранять с помощью гуманности.

2. Воспитывать народ и формовать, как на гончарном круге, все сущее (букв.: все разновидности, категории сущего, *шу лэй цзюнь*) [17, с. 1] — главные функции правителя, связанные с его положением (*вэй*), распространение им преобразующего влияния не только на человеческое общество, но и на природу в целом.

3. Эта часть фразы построена под влиянием приведенных в «Шу цзин» слов императора Шуня, прославляющего добродетель Яо: «...добродетель императора [Яо] распространялась широко. [Он] был и совершенномудр, и одухотворен, обладал талантами и к военным, и к гражданским делам. По милосердному повелению Великого Неба (*Хуан тянь цзюнь мин* 皇天眷命) [он] полностью овладел пространством среди четырех морей и стал правителем Поднебесной» [19, цз. 2.3, с. 16; 25, с. 54].

4. Букв.: «Небесное счисление лежит на мне» (*ли шу цзай гун* 曆數在躬). В двадцатой главе «Лунь юй» «Яо юэ» подобная фраза приписана Яо, адресующему ее Шуню: «...небесное счисление (*ли шу*) указало на тебя! С искренностью придерживайся [определенной Небом] середины. Если же [народ среди] четырех морей выбьется из сил и обнищает, то это [будет означать], что небесная благодать навеки кончилась [для тебя]". Шунь с такими же [словами] передал царствование Юю» [4, цз. 10.20, с. 9а]. От лица Шуня эта фраза приведена в главе «Шу цзин» «Предначертания Великого Юя» («Да Юй мо»): «...небесное счисление (*ли шу*) указывает на тебя, [Юй]!» [19, цз. 2. 3, с. 16; 25, с. 61]. Сочетание *ли шу* в комментарии к «Лунь юй» истолковано как порядок, последовательность [9, цз. 10.20, с. 9а], В. П. Васильев объясняет его как жребий Неба и порядок наследования, подобный последовательности годов, времени, сроков [20, с. 122, 124]; П. С. Попов переводит как «небом установленное преемство царственной власти» [22, с. 123, 125]. В комментарии Кун Ин-да к «Шу цзин» и в безымянном комментарии к «Дифань» сказано, что *ли шу* — это Путь Неба (Тянь Дао) [11, с. 1, комментарий; 19, цз. 2.3, с. 4а], т. е. прежде всего путь, порядок вращения небесной сферы и движения небесных светил. Среди этих светил рядом с Полярной звез-

рии к «Дифань» сказано, что *ли шу* — это Путь Неба (Тянь Дао) [11, с. 1, комментарий; 19, цз. 2.3, с. 4а], т. е. прежде всего путь, порядок вращения небесной сферы и движения небесных светил. Среди этих светил рядом с Полярной звездой находилась точка, в которой пребывал император, организующий и приводящий в гармонию космос. Смена императоров, занимающих эту точку, уподоблялась естественному ходу времени. Сочетание *ли шу* имело и другое значение — «сезон года», в котором оно использовано во «Всеобъятном законе» («Хунфань») [19, цз. 7.6, с. 26].

5. Священная утварь (*шэнь ци* 神器) — аксессуары императорской власти (амулеты, одежда, печати императора), а также императорский трон.

6. Однажды император Яо вместе со своими сановниками находился на берегу реки Цуйгуй, из которой неожиданно поднялась большая черепаха, неся на спине письма. По приказу Яо сановники списали письма, после чего черепаха опять опустилась в воду [11, с. 1]. В данном случае приведен лишь один из вариантов мифа о черепахе с письмами на спине. Согласно наиболее ранней версии, черепаха (или дракон, или конь) явилась из Хуанхэ императору Фу-си, и последний по начертаниям на ее спине составил восемь триграмм.

Т а н Я о — легендарный император Яо. Тан — название его династии.

7. В главе «Шу цзин» «Дань, установленная Юем» («Юй гун») сказано: «Юю был пожалован скипетр цвета Неба в ознаменование его свершений» [19, цз. 3.1.2, с. 10а; 25, с. 150]. Цвет Неба (*юань* 天 — в «Дифань», *сюань* 玄 — в «Шу цзин»), а также цвет усмирённой Юем воды, черный с красным отливом, должен был символизировать способность Юя свершить «небесные заслуги» (*чэн тянь чжи гун* 成天之功) [11, с. 2]. Обычно скипетры жаловались государем только владельческим князьям как атрибут и почетный знак власти; каждому рангу князей и государю соответствовал определенный вид скипетра.

С я — название династии, основанной Юем.

8. Здесь имеется в виду легенда о получении Вэнь-ваном, основателем династии Чжоу (1027—256 гг. до н. э.), Небесного Мандата: однажды осенью «красная птица, неся в клюве красную надпись, появилась в [пределах столицы] Фэн и опустилась у ворот Вэнь-вана. Это означало, что Небесный Мандат вручен [дому] Чжоу» [13, с. 28].

9. Встреча с Белым божеством императора Гао-цзу (206—195 гг. до н. э.), основателя династии Хань (206 г. до н. э.—220 г. н. э.), описана в «Истории династии Ранняя Хань» («Цянь Хань шу») следующим образом: «Гао-цзу напился пьяным и ночью пошел напрямик через болото (или, в соответствии с комментарием Янь Ши-гу, свернул с тропинки в болото.— И. П.). [Он увидел], что впереди идет какой-то человек. Этот впереди идущий обернулся и сказал: "Большая змея преградила путь, [она] хочет, чтобы [ты] повернул обратно". Хмельной Гао-цзу ответил: "Чего бояться храброму мужу!" Тогда [человек], шедший впереди, выхватил меч и убил змею — разрубил надвое. [После этого они] прошли еще несколько ли. Когда [Гао-цзу] проспался, [он] послал слугу на то место, где была змея. Какая-то старуха всю ночь проплакала там. Слуга спросил, почему она плачет. Старуха отвечала: "Моего сына убили". "А почему его убили?" — спросил старуху слуга. Она сказала: "Мой сын — это сын Белого императора. [Он] превратился в змею и ночью преградил [здесь] дорогу. А сегодня сын Красного императора зарубил его. Поэтому я плачу". Слуга решил, что старуха лжет и хотел ее ударить. Старуха внезапно исчезла» [15, цз. 1. 1, с. 4а—4б]. Эта встреча Гао-цзу с сыном Белого императора, превратившимся в змею, была расценена как счастливый знак, который, как сказано в «Дифань», символизировал долгое царствование.

Упомянутые в «Истории династии Ранняя Хань» Белый и Красный императоры — это два из пяти Небесных императоров (кроме них были еще Зеленый,

Памятники культуры Востока

Желтый и Черный императоры). Разрубленная змея стала эмблемой ханьского Гао-цзу после его воцарения.

10. Хаос обозначается в данном случае словом *бань дан* 版蕩, которое толкуется как отступление порочного правителя-деспота от Пути прежних добродетельных государей и уничтожение в связи с этим порядка и существующих норм в государстве.

11. Божественный Удалившийся Император (Тай-Шан-хуан 太上皇) — титул танского Гао-цзу после отречения от трона в 626 г. Тай-Шан-хуан скончался в 635 г., за тринадцать лет до написания Тай-цзуном «Дифань».

12. Сочетание *цзин лунь* 經綸 ('упорядочивать и скреплять', букв.: сучить шелк, выпрямлять и свивать шелковые нити) заимствовано из «Большого комментария образов» («Да сян чжуань») к третьей гексаграмме «И цзин» — «Начальная трудность» («Чжунь»). Основная мысль этой гексаграммы — взаимодействие в первый момент его возникновения, преодоление предшествующего состояния [27, с. 204]. Среди иллюстративных примеров к гексаграмме использован образ человека, который сучит шелк. Для того чтобы получить шелковую нить, он среди множества находящихся в беспорядке шелковинок находит конец, вытягивает ровную нить и начинает ее свивать. Найти в хаосе, в путанице конец (основное) и начать сплести нить — в этом и состоит начальная трудность. В преодолении начальной трудности недопустимы поспешность и нетерпеливость. В этом деле, как и в любом другом, наведение порядка (выпрямление) и упрочение (сплетение) требуют выдержки, стойкости и поддержки окружающих, поэтому «благородный человек прибегает к упорядочению и скреплению» [2, цз. 1, с. 11], т. е. определяет направление перехода от хаотического состояния к порядку и прочности. В начале танской эпохи направление перехода от хаоса, беспорядка в государстве к миру и стабильности было определено императором Гао-цзу.

13. Разрубить волшебную змею означает здесь, что танскому Гао-цзу накануне воцарения явилось то же счастливое предзнаменование, что и ханьскому Гао-цзу, основавшему долговременную династию (см. примеч. 9).

14. Золотое зеркало (*цзинь цзин*) означает здесь Путь спокойствия и справедливости [11, с. 2—3].

15. Звезда Шу 樞 (α Большой Медведицы, Дубхэ), по традиционным китайским представлениям, находилась в центральной части небесной сферы, т. е. там же, где пребывал император.

16. Пять пиков (*у юэ*) — пять священных гор Китая: Тайшань, Хуашань, Хэншань, Суншань, Хэншань. На них был сосредоточен дух-ци, материальное начало вселенной.

17. Три светила (*сань гуан*) — солнце, луна и звезды.

18. Хищными зверьми в данном случае именуется в первую очередь политические противники дома Тан.

19. *И жо гуань чжи нянь* 以弱冠之年 — букв.: «находясь в возрасте юноши». *Гуань* — шапка, надеваемая в честь совершеннолетия, в 20 лет. В «Ли цзи» (часть «Цюй ли») сказано: «Двадцатилетнего называют юношей (*жогуань*)» [3, цз. 1.1, с. 3а]. Такое название сохранялось за молодым человеком до тридцати лет, после чего он именовался *чжуан* — взрослый. Тай-цзун стал императором в двадцать шесть лет. К этому времени он уже стал прославленным полководцем, и здесь он подчеркивает, что свои военные подвиги совершил именно в юном возрасте.

20. Букв.: «чтобы лично противостоять стрелам и камням» (камни — зд. вид боевого оружия).

21. В биографии Чэн Тана в «Цянь Хань шу» сказано: «Сто с лишним пеших воинов сомкнули ряды, подобные рыбьей чешуе» [15, цз. 70.40, с. 8а], что озна-

чает, согласно комментарию Янь Ши-гу, тесные ряды, непрерывно следующие друг за другом.

22. Армии, построенные в виде журавлиных крыльев, — войска, построенные с удлиненными и выдвинутыми вперед флангами.

23. Сочетание *чжан цзин* 長鯨 'огромный кит' наряду с *цзин ни* 鯨況 'хищная рыба, поедающая мальков', используется обычно для обозначения несправедливого, злого человека или бунтовщика.

24. Заслуживает внимания толкование комментарием к «Дифань» иероглифа *хай* 晦 'море'. Он толкуется как *хуй* 晦 'темнота', 'мрачный', как 'невежественное и темное, находящееся на большом расстоянии' [11, с. 3, комментарий].

25. Кометы (*чань чэн* 攬槍) — политические противники дома Тан.

26. Восемь земных пределов (*ба хун* 八紘 или *ба хуан* 八荒, *ба цзи* 八極) — весь мир, пространство в восьми, во всех направлениях.

27. Небесная река (*Тянь хуан* 天黃 или *Тянь хэ* 天河) — то же, что и Небесное семейство, род правителя Поднебесной (*Тянь цзя* 天家). Более раннее значение сочетания *Тянь хуан* — жилище, помещения семьи государя.

28. Звезды Сюань 璇 и Цзи 極 (β Большой Медведицы и Полярная звезда), как считалось, расположены в центре небесной сферы рядом с точкой нахождения императора. Подняться до Сюань и Цзи означает достичь этой точки, занять трон.

29. Двойное сияние (*чжун гуан* 重光) означает свет солнца и луны, а также образ великого человека, навеянный «И цзином». В «Большом комментарии образов» к тридцатой гексаграмме «Сияние» («Ли») сказано: «Оба светила излучают сияние. Великий человек неугасающим светом (*цзи мин*) озаряет [вокруг себя пространство] в четырех направлениях» [2, цз. 1, с. 48]. Солнце и луна сменяют друг друга на небесах, ходят по кругу. Солнце не может светить ночью, луна днем, а совершенный человек постоянно озаряет Поднебесную светом своей добродетели. Такой добродетелью и способностью постоянно изливать ее сияние на свой народ обладали совершенномудрые правители древности, которых имеет здесь в виду император Тай-цзун.

30. См. примеч. 1.

31. Адресатом «Правил императоров» был Цзинь-ван Ли Чжи, сын Тай-цзуна, будущий император Гао-цзун (650—683).

32. Ли Чжи имел удел в Цзинь на территории нынешней провинции Шаньси, у границ Китая. Назначенный Наследником в 643 г. Ли Чжи был призван в столицу.

33. Титул, соответствовавший Малому Ян (*шао ян* 少陽), — это титул Наследника Императорского престола (Хуан Тай-цзы). В отличие от Полного Ян (*чжэн ян* 正陽), символизирующего Сына Неба; *ци*, содержащееся в стоящем на юге солнце; юг; южное предместье столицы, Малое Ян означает Наследника Престола; восток; восточное предместье столицы; Восточный дворец Наследника Престола.

34. Фраза не ведать трудностей посева и жатвы заимствована из «Шу цзин», из главы «Не быть праздным» («У и»), где изложены наставления Чжоу-гуна Чэн-вану. Не быть праздным — принцип благородного мужа. «Прежде всего [он] познает трудности посева и жатвы» [19, цз. 9.17, с. 86; 25, с. 464—465], а именно все то, на что опирается и чем живет простой народ. Это необходимо, чтобы понять, какую огромную цену имеют праздность и развлечения. Только те правители, которые сумели постичь это, царствовали долго.

35. Возвысившиеся до небес (*сюань хао* 軒昊) — так именовались три властителя (*сань хуан*) и пять императоров (*у ди*). Согласно «Историческим запискам» («Ши цзи»), три властителя — это Властитель Небес (Тянь-хуан), Властитель Земли (Ди-хуан) и Великий Властитель (Тай-хуан) [24, т. 2, с. 62]. О пяти императорах см. примеч. 91.

36. Государями, располагавшими Небо по утку, а Землю по основе, называли легендарных правителей древности. Заняв подобающее императорам положение в пространстве (*хуан цзи* 皇極), они впервые упорядочили все сущее.

37. В «И цзин» сказано: «Появились Небо и Земля, после этого появились десять тысяч вещей. Появились десять тысяч вещей, после этого появились мужчины и женщины. Появились мужчины и женщины, после этого появились мужья и жены. Появились мужья и жены, после этого появились родители и дети. Появились родители и дети, после этого появились правители и подданные. Появились правители и подданные, после этого появились высшие и низшие. Появились высшие и низшие, после этого в ритуале и обрядах появилось то, чем люди отличаются друг от друга» [2, цз. 4, с. 146—147].

38. В «Си цы чжуань» есть фраза: «Путь-Дао солнца и луны — это непосредственное (*чжэнь* 貞) проникание» [2, цз. 2, с. 120]. Термин *чжэнь* (или *чжэн*) — один из употребляемых в «Книге перемен», он толкуется как «стойкость», «незыблемость», «правота», а также «треножник» [27, с. 96].

39. Присоединяться (сходиться, стекаться) обозначено здесь сочетанием *гуй ван* 歸往. В данном случае имеется в виду эпизод, изложенный в главе «Ли лоу» трактата «Мэн-цзы»: «Бо-и, скрываясь от Чжоу-[синя], жил на берегу северного моря. Услышав, что Вэнь-ван возвысился, [он] сказал: "Почему бы мне не присоединиться [к нему]? Я слышал, что Правитель Западных [земель] умеет заботиться о стариках". Гай-гун, скрываясь от Чжоу-[синя], жил на берегу восточного моря. Услышав, что Вэнь-ван возвысился, [он] сказал: "Почему бы мне не присоединиться [к нему]? Я слышал, что Правитель Западных [земель] умеет заботиться о стариках". Эти двое были величайшими старцами Поднебесной. И когда [они] присоединились к Вэнь-вану, это означало, что к нему присоединились отцы Поднебесной. А если отцы Поднебесной присоединились к нему, то куда же еще могли направиться дети?» [5, цз. 7.4, с. 9а—9б; 23, с. 130].

40. В комментарии к «Дифань» разъясняется, что грозная добродетель (*вэй дэ* 威德) правителя проявляется не в жестокости и необузданном применении военной силы. Грозная добродетель — это соответствие Небу и благоприятствование народу путем карания несправедливости, а также способность остановить злодеяния. Если правитель обладает такой добродетелью, то вся Поднебесная вплоть до самых отдаленных пределов покоряется ему [11, цз. 1, с. 2—3, комментарий].

41. Девять родов (*цзю цзу*) комментатор «Шу цзин» Кун Ин-да объясняет как девять колен родства, девять поколений родственников от прапрапрадеда до праправнука (прапрапрадед, прапрадед, прадед, дед, отец, сын, внук, правнук, праправнук) [19, цз. 1.1, с. 16, комментарий]. Оуян Сю (1007—1072) считал *цзю цзу* девятью родами родственников по горизонтали: во-первых, четыре рода по отцовской линии: первый род образуют родственники в пяти коленах; второй род — дочери отца, его старшие и младшие братья, их жены и дети; собственные дочери, братья, жены и дети братьев составляют третий род; сыновья, невестки, внуки — четвертый род. Затем следуют три рода по материнской линии: семья деда (отца матери) — один род; семья бабки — второй; братья матери и их жены — третий. И, наконец, два рода со стороны жены: семья отца жены — один род, семья матери жены — второй [11, цз. 1, с. 3, комментарий].

42. «Почитая предков, думай о сыновней почтительности, в отношениях с низшими думай о вежливости» [19, цз. 4.6, с. 10б] — слова И-иня (см. примеч. 68), обращенные к внуку и преемнику Чэн Тана — Тай-цзя.

43. Шесть направлений [пространства] (лю хэ 六合) — зенит, надир, север, юг, запад, восток.

44. В «Цзо чжуань» говорится: «...пожаловать родственникам уделы в управление, чтобы [они] стали защитой и заслоном для дома Чжоу» [11, цз. 1, с. 1, комментарий].

45. Система чжоуских уделов была заложена У-ваном (1121—1116 гг. до н. э.), который, установив власть в Китае, предоставил уделы-го своим пятнадцати братьям и еще сорока родственникам из рода Цзи.

46. Удел Цзинь (при Чэн Тане именовался Тан) в Шаньси и удел Чжэн в Шэньси были расположены в землях чжоуского домена, уделы Вэй в Хэнани и Лу в Шаньдуне — в приграничном районе на востоке.

47. В «Ши цзи» рассказано о том, как однажды в четвертый год своего царствования (213 г. до н. э.) Цинь Ши-хуан устроил пир во дворце в Сяньяне, на котором ученые мужи стали восхвалять достоинства императора. Один лишь Чуньюй Юэ из Ци выступил вперед и сказал: «Я, ваш слуга, слышал, что правители Инь и Чжоу [царствовали] более тысячи лет, т. к. пожаловали уделы сыновьям, братьям и заслуженным сановникам, создав [себе] поддержку и помощь. Ныне Вы, Государь, владеете землями среди четырех морей, а [Ваши] сыновья и братья являются простыми подданными. И если вдруг появятся личности, подобные Тянь Чану или шести сановникам, [затевавшим смуту], то кто же станет [для Вас] опорой? [Никто еще] не слышал [о правителях], которые могли [царствовать] долго без подражания древним» [11, цз. 1, с. 2, комментарий; 24, т. 2, с. 75—76]. Император передал это на обсуждение сановников. Первый советник Ли Сы, опровергая высказанное Чуньюй Юэ, говорил: «Слишком много было носивших одну фамилию сыновей и братьев, которым чжоуские Вэнь-[ван] и У-[ван] пожаловали уделы. Впоследствии родственники, не говоря уж о чжоухоу, отдалялись и нападали друг на друга, подобно врагам, и чжоуский Сын Неба не мог этого остановить» [11, цз. 1, с. 5, комментарий].

48. Букв.: сердце и желудок (синьфу 心腹).

49. Гуаньчжун — территория Китая внутри от застав (главным образом в нынешней провинции Шэньси). Заставы: на востоке Ханьгуань (в Хэнани), на западе Саньгуань (в Шэньси), на севере Сяогуань (в Ганьсу) и на юге Угуань (в Шэньси).

50. В 201 г. до н. э. ханьский Гао-цзу пожаловал своего двоюродного старшего брата Лю Цзя титулом Цзин-ван и передал ему в управление земли к востоку от Хуайхэ. Своему младшему брату Цзяо он дал титул Чу-вана и поставил управлять землями западнее реки Хуайхэ, пожаловав ему при этом в управление сорок городов. Своего сына Фэя он сделал Ци-ваном и передал ему семьдесят с лишним городов [9, цз. 8б, с. 246—25а; 24, т. 2, с. 190—191]. Своего младшего двоюродного брата Лю Цзе Гао-цзу пожаловал титулом Янь-ван, старшего брата сделал Дай-ваном (затем этот титул перешел к сыну Гао-цзу Хэну). Спустя некоторое время своему сыну Хую Гао-цзу пожаловал титул Лян-вана, а сыну Ю — титул Хуайян-вана [9, цз. 8, с. 27а—27б; 24, т. 2, с. 194]. Своего сына Чана он объявил Хуайнань-ваном [24, т. 2б с. 194], сыну своего старшего брата Лю Пи он пожаловал титул У-вана [24, т. 2, с. 196], своему сыну Жуи — титул Чжао-вана. «Все члены семьи Лю были пожалованы титулами ванов. Из тех, кто не принадлежал к императорскому роду, только сын заслуженного чиновника У Жуя, правителя [уезда] Поян, [У] Чэнь имел титул Чанша-вана» [9, цз. 9, с. 2а; 24, т. 2, с. 201].

51. Согласно древней системе земельных пожалований, аристократы и чиновничество наделялись землями в строгом соответствии с социальным положением. Эта система была изложена в трактате «Мэн-цзы»: «Существовали титулы Сына Неба (Тянь-цзы), гуна, хоу, бо, цзы, наня — последние два были равнозначны. Еще были должности управителя (цзюнь), министра (цин), сановника (дафу), высшего, среднего и низшего чиновников (шан ши, чжун ши, ся ши). Сыну Неба в соответствии с системой было определено владение в тысячу квадратных ли, гуну и хоу — по сто квадратных ли, бо — семьдесят квадратных ли, цзы и наню — по пятьдесят. Всего было четыре разряда [владений]. Владения, не дости-

гавшие пятидесяти ли, не относились непосредственно к Сыну Неба, а присоединялись к владениям хоу под названием оброчные владения (*фу юн 附庸*). Министр Сына Неба получал удел земли наравне с хоу, сановники — наравне с бо, а высшие чиновники — наравне с цзы и нань. В большом владении, занимавшем территорию в сто квадратных ли, управитель получал дохода в десять раз больше, чем министр, министр в четыре раза больше сановника, сановник вдвое больше против чиновника высшего ранга, чиновник высшего ранга вдвое против чиновника среднего ранга, чиновник среднего ранга вдвое больше против чиновника низшего ранга. Чиновник низшего ранга вместе с незнатным человеком, состоящим на службе, получали одинаковое жалованье, достаточное для замены того, что они получили бы от земледелия. Во второстепенных владениях площадью в семьдесят ли правитель получал дохода в десять раз больше министра, министр — втрое больше против сановника, сановник — вдвое против высшего чина, высший чин — вдвое против среднего, средний — вдвое против низшего. Чиновник высшего ранга вместе с незнатным человеком, состоящим на службе, получали одинаковое жалованье, достаточное для замены того, что они получили бы от земледелия. В малых владениях площадью в пятьдесят ли управитель получал дохода в десять раз больше министра, министр — вдвое против сановника, сановник — вдвое против высшего чиновника, высший чиновник — вдвое против среднего, средний — вдвое против низшего. Низший чиновник вместе с незнатным человеком, состоящим на службе, получали одинаковое жалованье, достаточное для замены того, что они получили бы от земледелия» [5, цз. 10, с. 3а—4б; 23, с. 177—180].

52. Шесть ванов: Чу-ван У, Чжао-ван Суй, Цзяоси-ван Инь, Цзинань-ван Бигуан, Цзычуань-ван Сянь, Цзяодун-ван Сюнцой, поднявшие в 154 г. до н. э. мятеж против ханьского императора Цзин-ди (156—141 гг. до н. э.).

53. Семь княжеств или семь ленов: У, Чу, Чжао, Цзинань, Цзычуань, Цзяодун, Цзяоси были пожалованы ханьским Вэнь-ди (179—155 гг. до н. э.) в награду приближенным. В разное время в этих княжествах были подавлены мятежи против царствующего дома. Топоры и секиры (*фу юэ 鈇 鉞*) — символы власти, вручавшиеся императором удельному князю или военачальнику.

54. Вэйский У-ди — посмертное имя Цао Цао (155—200), военачальника и сановника последнего ханьского императора Сянь-ди (190—219). Вначале титул Цао Цао был Вэй-ван. К 192 г. Цао Цао, Лю Бэй и Сунь Цюань поделили между собой территорию ханьской империи. После того как император Сянь-ди был убит по приказу Цао Цао, сын последнего Цао Пи вступил на престол в качестве императора новой династии Вэй (храмовое имя Цао Пи — Вэнь-ди, на троне с 220 по 226 г.).

55. Каменная глыба в фундаменте (большой камень, *пань ши 磐石*) помещалась в основание колонны для устойчивости к оседанию. Здесь имеется в виду, что правитель, не имеющий в родственниках опоры, так же непрочно занимает свое положение, как и колонна, не имеющая в основании каменной глыбы.

56. Другой род — это род Сыма. В 225 г. последний вэйский император Юань-ди (260—264) был низложен полководцем Сыма Янем, основавшим династию Цзинь (265—316). Алтарь Земли и Злаков (*шэ цзи 社稷*) символизирует престол, династию.

57. Искусство управления (*шу 術*), техника управления — одна из важнейших категорий легизма, разработка которой связывается с именем Шэнь Бу-хая. В трактате «Хань Фэй-цзы» говорится: «Ныне Шэнь Бу-хай толкует об искусстве управления... Искусство управления состоит в том, чтобы на чиновничьи должности назначать по способностям, требовать [от чиновника] исполнительности в соответствии с наименованием [его должности], держать в руках рукоятку жизни и смерти, изучать возможности чиновничества — все это держат в руках государи» [21, т. 2, с. 258].

58. Сверхъестественность, непостижимость (мяо 妙) — категория даосизма (то же, что шэнь мяо 神妙).

59. Огромен (дан дан 蕩蕩) — заимствовано из «Лунь юй», где сказано: «О, как велик был правитель Яо! Как возвышен! Только Небо было так огромно, и только Яо был подобен ему! [Он был так] огромный (дандан), что народ не мог дать ему название. Как велик он был в своих свершениях! Как блистателен в установлениях!» [4, цз. 4.8, с. 16а—17а; 20, с. 45; 21б, т. 1, с. 156].

60. См. примеч. 41.

61. Фан-сюнь 放勳 — имя императора Яо, которое обычно разъясняется комментаторами как «подражающий совершенным деяниям древних» [19, цз. 1.1, с. 1б, комментарий]. Фан означает 'изучать', 'копировать'; сюнь — 'подвиги', 'заслуги'. В главе «Шу цзин» «Уложения Яо» («Яо дян») говорится: «Изучая древность, [мы узнаем], что императора Яо звали Фан-сюнь. [Он] был почтителен, просвещен, высококультурен и глубокомыслен, что проявлялось без усилия. [Он] был преисполнен искренней вежливости и почтительности. Сияние [его добродетели] достигало дальних окраин Поднебесной, простиралось до Неба и озаряло Землю. [Он] умел различать талантливых и добродетельных и жить в согласии с девятью родами своих родственников» [19, цз. 1.1, с. 1а—1б]. О девяти родах родственников см. примеч. 47.

62. Чжун-хуа 重華 — имя императора Шуня. Оно толкуется как «равный по своим добродетелям императору Яо» [19, цз. 1.2, с. 5б; 25, с. 31]. Чжун значит 'повторить'; хуа — 'просвещенность и добродетельность'. Известно, что у Шуня была плохая мать, склонный к порокам отец, заносчивый брат. С ними он умел ладить, проявляя сыновнюю почтительность (сяо), и добился, что они постепенно продвинулись к добру и не совершили преступлений [19, цз. 1.1, с. 4б—5а; 24, т. 1, с. 137; 25, с. 26].

63. Сьюэ 四岳 буквально означает 'четыре пика', четыре священные горы Китая, символизирующие стороны света. Восток символизировала гора Тайшань (Шаньдун), юг — гора Хэншань (Хунань), север — гора Хэшань (Шаньси), запад — гора Хуашань (Шэньси). Социальное значение термина сьюэ до конца не выяснено. Обычно под ним понимают вождей племен или старейшин [24, т. 1, с. 235]. В «Шу цзин» под сьюэ понимаются должностные лица — советники императора. К ним, например, обратился Яо за советом о том, кого назначить своим преемником [19, цз. 1.1, с. 4а]. Д. Легт вслед за некоторыми китайскими комментаторами под сьюэ понимает одного чиновника, который ведал делами всех чжухоу и начальников округов Китая [25, с. 35]. Подстрочный комментарий к «Дифань» разъясняет сьюэ как должности, подобные трем гунам (сань гун) чжужоу периода. При Яо должность сьюэ занимал Шунь, при Шуне — Юй [11, цз. 1, с. 9, комментарий].

64. Восемь совершенных (ба юань 八元). В «Цзо чжуань» сказано: «Некогда у господина Гао Синя было восемь талантливых сыновей: Бо-фэнь, Чжун-сюнь, Шу-сянь, Ли-чжун, Бо-ху, Чжун-сюн, Шу-бао, Ли-ли. [Первый из них] был верным, [второй] — строгим, [третий] — вежливым, [четвертый] — добропорядочным, [пятый] — открытым, [шестой] — любящим, [седьмой] — добрым, [восьмой] — спокойным. Народ Поднебесной называл их "восемь совершенных" (баюань)» [17, цз. 9, с. 26]. Когда Шунь поступил на службу Яо, он выдвинул восемь совершенных, приказав им распространять в Поднебесной учение о пяти человеческих постоянствах (у чан 五常): отцовской справедливости (фу и 父義), материнской любви (му цы 母慈), снисходительности старшего брата по отношению к младшему (сюн ю 兄友), почтительности младшего брата по отношению к старшему (ди гун 弟恭), сыновней почтительности (цзы сяо 子孝).

65. В «Лунь юй» говорится: «Шунь управлял недеянием. Да и что ему было делать! [Он] только благоговейно (гун цзи) [сидел] обратившись лицом к югу» [4, цз. 8.15, с. 2а—2б]. В комментариях к этому высказыванию обычно указывается, что управление недеянием стало возможным для Шуня, когда он назначил на

должности достойных людей, имеющих соответствующие должностям способности [4, цз. 8.15, с. 26; 11, цз. 1, с. 9, комментарий]. В тексте «Дифань» сказано: «достиг вершины благоговейности», т. е. состояния, соответствующего управлению надеянием [11, цз. 1, с. 9, комментарий].

66. Скрывают фениксовы крылья, прячут драконью чешую (цзи и инь линь 載翼隱鱗), т. е. до поры скрывают свои таланты.

67. Выявлять среди живущих в глуши и недостойных (соу ян цэ лоу 搜揚側陋). — Эта фраза заимствована из «Уложений Яо» («Яо дянь») «Шу цзин», где сказано: «Император произнес: "О, сыюэ! Я нахожусь на престоле семьдесят лет. Может ли кто-то из вас, вняв [моему] повелению, занять мой трон?" [Сы]юэ ответили: "[Мы] не обладаем добродетелями и [лишь] опозорим его". Тогда [Яо] сказал: "Тщательно ищите [достойного человека] среди просвещенных и выявляйте среди живущих в глуши и недостойных"» [19, цз. 1.1, с. 4а—4б].

68. И - инь 伊尹 — прославленный советник Чэн Тана. Согласно «Ши цзи», И-иня звали А-хэн. Он хотел служить [Чэн] Тану, но не имел случая [устроиться к нему], тогда он стал слугой, [перешедшим к Тану] в качестве приданого [девушки] из рода Юсинь, стал носить [на себе] кухонные треножки и доски. Толкуя с [Чэн Таном] о вкусе пищи, он дошел до бесед о Пути правителей [9, цз. 3, с. 26; 24, т. 1, с. 167].

69. Люй - ван 呂望 — сподвижник чжоуского Вэнь-вана Тай-гун (см. примеч. 39). Родовая фамилия его была Цзян, а по названию пожалованных его предкам уделов он звался Люй-шан. Имя его было Цзы-я. В старости он стал отшельником-рыбаком у реки Вэйшуй. Когда однажды Правитель Западных земель Си-бо, будущий Вэнь-ван, собирался на охоту, то по результатам гадания ему выпало, что добычей будет не дракон, не самка дракона, не тигр и не медведь, а сподвижник князя-гегемона. На охоте Си-бо встретился с Люй-шаном. Во время беседы с ним Си-бо сказал: «Покойный правитель, мой отец, говорил, что необходимо иметь на службе совершенномудрого человека, который помог бы дому Чжоу. С его содействием Чжоу воцарится в [Поднебесной]. Вы и есть такой [человек]. Мой отец давно надеялся встретить Вас». Поэтому Люй-шану дали почетное прозвище Тай-гун-ван — Надежда отца. Он стал Наставником Вэнь-вана, одним из четырех его помощников» [9, цз. 32.2, с. 1а—1б].

70. И - у 夷吾 — имя Гуань-чжуна (Гуань-цзы), министра циского правителя Хуань-гуна (685—648 гг. до н. э.). В молодости Гуань Чжун служил цискому княжичу (гунцзы) Цю. Когда другой княжич Сяо-бо стал Хуань-гуном, Цю умер, а Гуань Чжун был посажен в тюрьму.

Путы (лэй се 纆紲) — толстые черные веревки, которыми связывали преступников.

71. Ханьский военачальник Хань Синь в молодости был беден и не имел занятий. Когда Сян Лян поднял войска, Хань Синь хотел поступить к нему на службу, но Сян Лян не принял его. Затем он пришел к Сян Юю, который тоже его не принял. Наконец Хань Синь присоединился к Хань-вану, будущему императору Гао-цзу, и стал его главным полководцем.

72. См. примеч. 68.

73. Цзи 姬 — родовое имя Вэнь-вана, основателя династии Чжоу. Занятия мясника и рыбака — форма отшельничества Тай-гуна, который семь лет прожил в городе Чжаогэ, где резал скот и продавал вино. Потом он переселился к реке Вэйшуй и стал рыбачить. Там состоялась его встреча с Вэнь-ваном (см. примеч. 69).

74. В данном случае речь идет об И-ине, который сумел воспитать второго шанского правителя Тай-цзя как высокодобротельного государя. По сообщению «Шу цзин», Тай-цзя, наследовавший Чэн Тану, поначалу не внимал наставлениям И-иня и не был добродетелен. Чтобы исправить его, И-инь на период траура по отцу сослал его в Тунгун, место захоронения Чэн Тана (или, по мне-

нию некоторых комментаторов, летний императорский дворец [24, т. 1, с. 289; 25, с. 203]). В итоге Тай-цзя раскаялся. За месяц до истечения трехлетнего траура И-инь, управлявший все это время государством, прибыл к Тай-цзя, чтобы вручить парадные головной убор и одеяние правителя Поднебесной и пригласить Тай-цзя в столицу Цзинбо — северную из трех иньских столиц, поименованную по названию гор Цзиншань (Хэнань).

75. После смерти Вэнь-вана ему наследовал его сын У-ван. В одиннадцатый год пребывания У-вана у власти (1027 г. до н. э.) чжухоу, поддерживавшие его, собрались в Муе, местности близ шанской столицы (Хэнань). У-ван прибыл туда, держа в левой руке желтую секиру, а в правой белый бунчук, чтобы давать команды войскам. В Муе У-ван принес клятву, после чего войска построились в боевые порядки и двинулись к месту сражения с иньской армией [9, цз. 4, с. 7а—7б; 24, т. 1, с. 185—186]. В общем контексте данной главы «Дифань» победа У-вана расценивается как результат деятельности Тай-гун-вана, который был его наставником, получив новое почетное прозвище Ши-шан-фу 師尚父 (это прозвище возникло потому, что У-ван считал Люй-шана своим учителем (*ши*), почитал его превыше всех (*шан*) и относился к нему как к отцу (*фу*) [24, т. 1, с. 310].

76. Чжун-фу 仲父 — почетное имя Гуань Чжуна, благодаря выдающейся деятельности которого на посту министра Хуань-гуна (685—649 гг. до н. э.) царство Ци стало первым в истории Китая гегемоном (*ба*) — главой союза нескольких царств.

77. См. примеч. 43.

78. Хуайинь-хоу 淮陰侯 — титул, пожалованный ханьским Гао-цзю Хань Синю, который был родом из округа Хуайинь. Приняв в 206 г. до н. э. военный план Хань Синя, Гао-цзю победил своих противников.

79. Употребленное здесь слово хун ху 鴻鵠 обозначает крупную птицу (лебедя, журавля, дикого гуся), а также иносказательно — крупного государственного деятеля, выдающуюся личность. В трактате «Гуань-цзы» говорится о том, что во время встречи Хуань-гуна с Гуань Чжуном над ними пролетел гусь. Поглядев на него, Хуань-гун со вздохом сказал: «Чжун-фу! Этот гусь когда [летит] на юг, когда — на север, когда улетает, когда возвращается. Четыре стороны света не имеют для него пределов. Куда [он] хочет, туда и направляется. Только потому, что [у него] есть крылья, он может осуществлять свои желания в Поднебесной... Вы, Чжун-фу, для меня, словно крылья...» [1, цз. 9.22, с. 1а—1б].

80. [Жемчужины], освещающие колесницы (*чжао чэ* 照車), — название жемчужин, принадлежавших лянскому Хуй-вану. Упоминание об этих жемчужинах имеется в «Ши цзи»: «Лянский Хуй-ван и циский Вэй-ван встретились в Цзяо. Хуй-ван спросил: "А есть ли у Вас, ван, драгоценности?" "Нет", — отвечал Вэй-ван. Хуй-ван сказал: "Уж если такое маленькое княжество, как мое, имеет десять жемчужин, у каждой из которых один цунь в поперечнике, и если поставить в ряд двенадцать колесниц и положить между ними жемчужины, то они будут освещать колесницы, так почему же княжество, у которого десять тысяч колесниц, не имеет драгоценностей?" Вэй-ван ответил: "Драгоценностью я считаю совсем не то, что Вы, ван. Среди моих подданных есть розовощекие. Когда [я] послал их защищать Наньчэн, то люди из Чу не осмелились войти [туда], когда на востоке [они] захватили [территорию], прилегающую к реке Сы[шуй], то все двенадцать чжухоу явились на поклон. Среди моих подданных есть большеголовые. Когда [я] послал их защищать Гаотан, то люди из Юэ не осмелились двинуться восточнее. Среди моих подданных есть черноволосые. Когда [я] послал их защищать Сюйчжоу, то люди из Яо пришли кланяться к северным воротам [города], а люди из Чжао — к западным. Когда [черноволосые] ушли из Сюйчжоу, за ними последовало более семи тысяч семей. Среди моих подданных есть отважные, когда [я] послал их бороться с разбойниками, то на дорогах перестали поднимать оброненное. С их помощью [я] освещаю [пространство] на тысячу ли. Разве не отличается [это] от двенадцати колесниц?" Лянский ван устыдился и удалился подавленный» [9, цз. 46.16, с. 86].

Памятники культуры Востока

81. *Цзюнь* 鈞 — мера веса, равная 18 кг; реки Цзян и Хань — реки Янцзы (крупнейшая река Китая длиной 5800 км) и Ханьшуй (или Ханьцзян, левый приток, Янцзы длиной 1532 км); *ши* 石 — мера веса, равная приблизительно 71,6 кг; *доу* 斗 — мера сыпучих и жидких тел, равная приблизительно 10,35 литра; *шао* 筲 — мера сыпучих тел вместимостью 1 доу 2 *шэна* (*шэн* 升 равняется 1,035 л); *шао* и *доу* означает также «малые мерки».

82. Ближайшие помощники государя (*гу гун* 股肱) — букв.: руки и ноги. «[Мои] сановники, — говорил император Шунь, — это мои руки и ноги, глаза и уши» [19, цз. 2.5, с. 13а].

83. Совпадающая добродетель (*хэ дэ* 合德, то же, что *тун дэ* 同德) — добродетель-дэ сановников, совпадающая с силой-дэ государя.

84. Триада (*цзи* 極 или *сань цзи* 三極) — Небо, Земля, Человек.

85. Девять областей (*цзю цюй*, то же, что и *цзю чжоу*) — учрежденные Юем девять областей Китая, весь Китай.

Цунь — мера длины, равная 3 см.

86. В своих советах Юю Гао Яо отмечал, что правитель должен уметь разбираться в людях, а также умиротворять народ. На это Юй ответил ему: «Увы! Достичь того и другого! Даже император [Яо] счел бы это для себя трудным! Когда [правитель] разбирается в людях, [он] мудр и может назначать людей на [соответствующие их способностям] должности. Когда он [способен] умиротворить народ — [он] милостив, и простой народ пойдет за ним» [19, цз. 2.4, с. 6б—7а].

87. Император Юй, учредив пять ступеней музыкальной гаммы, распорядился в связи с этим, чтобы те, кто хочет изложить ему жалобы и обиды, били в барабанчик *тао*. Считалось, что такие барабанчики изобрел император Ку; *тао* были небольшими по размеру, имели рукоятку и прикрепленные по бокам на нитях шарики. Держась за рукоятку, крутили барабанчик, чтобы шарики ударяли по нему. Столбы для написания порицаний в свой адрес и испрошения советов подданных установил вдоль дорог император Яо.

88. Букв.: возницы, слуги, косари и дровосеки (*пу ли чу чжао* 僕隸芻堯).

88а. Букв.: те, кто имеет титулы ванов и хоу, сановники и министры (*ван хоу цин сян*).

89. В данном случае имеется в виду ханьский чиновник Чжу Юнь 朱雲. Второе имя он имел Ю, происходил из удела Лу. В молодости Чжу Юнь был «справедливым разбойником» — защитником обиженных. В сорок лет круто изменил свою жизнь, изучил «Лунь юй» и «И цзин». Когда при императоре Чэн-ди (на троне с 32 по 7 г. до н. э.) недобродетельный министр Чжан Юй был возведен в ранг Императорского Наставника (*Ди ши*) и пожалован титулом *тэ цзинь*, Чжу Юнь попросил об аудиенции. Представ перед глазами императора и всех сановников, Чжу Юнь сказал: «Сановники при нынешнем дворе не способны ни содействовать правителю, ни помогать народу. Все [они] даром едят свой хлеб. Конфуций говорил, что ничтожный человек не может служить государю, [он все делает] без старания и [лишь] вредит ему. [Такой человек] губит то, что достигнуто не его [усилиями]. Я, Ваш слуга, хотел бы преподнести [господину, занимающему должность] *шанфана*, меч, который [может] рассечь лошадь, чтобы обезглавить одного лстивого сановника и [таким образом содействовать] исправлению остальных». Когда император спросил Чжу Юня, кого он имеет в виду, тот ответил: «Чжан Юя», — и привел этим императора в ярость. «Презренный слуга!» — воскликнул император, [ты] занимаешь низкое положение и злословишь в адрес высших! Перед всем двором позоришь Наставника! Ты будешь наказан смертью и не [жди] помилования!» Гвардейцы хотели вывести Юня, но тот вцепился в перила дворцовой лестницы и не отпускал, пока не сломал их. После того, как Чжу Юня удалили, полководец Син Цин-цзи высказался в его защиту, и император Чэн-ди понял, что Чжу Юня необходимо помиловать, кроме того, он распорядился не менять дворцовые перила, а только собрать их, чтобы прославить таким образом честного подданного» [11, цз. 2, с. 20, комментарий].

Шанфан 尚方 — хранитель личных вещей и оружия императора.

90. «Когда вэйский Вэнь-ди (220—226) решил переселить десять тысяч семей из округа Цзичжоу (Хэбэй) в Хэнань, случилось нашествие саранчи. Начался голод, но император, несмотря на возражения сановников, не желал отказываться от своего намерения. Тогда сановник Синь Пи попросил высочайшей аудиенции. Вэнь-ди, знавший, о чем его собираются просить, принял Синя и прочих своих придворных с весьма недовольным видом. Сначала никто из присутствующих не осмеливался заговорить, но наконец Синь Пи решился. "Вы, государь, — сказал он, — хотите переселить семьи. Почему Вы так решили?" "Скажи лучше, — произнес Вэнь-ди, — переселять мне их или нет?" "По правде, [я] считаю, что не нужно", — ответил Синь. "Я не собираюсь обсуждать это с тобой", — сказал тогда император. "Ваше Величество, — сказал Синь, — разве Вы считаете своих подданных недобродетельными? Вы назначаете правого и левого [министров], назначаете чиновников для составления различных планов и считаете возможным решать все самому без их помощи. В том, о чем я говорю, нет для меня корысти — этим обеспокоены духи Земли и Злаков. Так почему же [Вы] гневаетесь на меня?" Император не ответил. Он поднялся, чтобы удалиться во внутренние покои. Синь устремился к нему и схватил за полу платья. Император встряхнул одежду, чтобы освободиться, и удалился. Прошло довольно много времени. прежде чем он опять вышел к сановникам и сообщил им, что переселит только половину семей» [11, цз. 2, с. 20, комментарий].

91. Здесь имеется в виду прежде всего император Цинь Ши-хуан, принявший титул Хуан-ди. Этот титул объединял почетные наименования трех властителей (*сань хуан*, см. примеч. 35) и пяти императоров (*у ди*).

Пять императоров: Хуан-ди, Чжуань-суй, Ку, Яо и Шунь.

92. Букв.: насекомые, вредители хлебных злаков (*мао цзэй*; *мао* — вредители, уничтожающие корни хлебных злаков; *цзэй* — коленца).

93. «В ловких речах и приукрашенной внешности мало человеколюбия», — слова Конфуция [4, цз. 1.1, с. 4а—4б].

94. К моменту воцарения луского Чжао-гуна (514—506 гг. до н. э.) власть правителя в царстве Лу была целиком зависима от крупных аристократических кланов. Чжао-гун попытался отстоять свои права, но потерпел неудачу и был изгнан за пределы Лу [17, цз. 18, с. 4б—5а]. В «Дифань» указано, что это произошло лишь потому, что Чжао-гун не получил от многочисленных сановников разъяснений о своих просчетах и советов о том, что ему надлежит делать.

95. Н и н - и 𠄎 — (мирный и спокойный) — имя чжоуского Сюань-вана (827—782 гг. до н. э.). Однажды у Сюань-вана, который очень любил упражняться в стрельбе из лука, появился лук, сила упругости которого составляла не более трех *ши*. Сюань-ван показал его своим приближенным, и они по очереди стали стрелять. Никто из них не попал в цель, и все сказали, что упругость лука не меньше девяти *ши*. Таким образом, Сюань-ван всю свою жизнь считал, что упругость его лука, на самом деле равная трем *ши*, составляет девять *ши*.

96. И - лэ 伊 摯 был наставником Ци 棄, Наследника в княжестве Сун в чжоуский период. Когда однажды Наследник отправился в княжество Чу, И-лэ оклеветал его перед сунским правителем Пин-гуном. Ци был заточен и повесился в неволе, а Наследником стал сын наложницы Цзэ.

97. Некогда в княжестве Чу был добродетельный сановник Си Вань 郤 宛. Взятчники и клеветники, ненавидя Си Ваня за его честность, оговорили его перед правителем и добились его казни.

98. Верный подданный — это Си Вань (см. примеч. 97). Почтительный сын — сунский Наследник Ци (см. примеч. 96).

98а. Орхидея символизирует мудрого, благородного человека.

99. Данный мотив неоднократно звучал в китайской общественно-политической мысли. В «Дао дэ цзин», например, сказано: «Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым» [21, т. 1, с. 138]. В биографии Цзо Сюна в «Цзю Хань шу» говорится: «Я слышал, что среди правителей не было таких, кто бы не любил верных и справедливых подданных и не ненавидел бы клеветников и

Памятники культуры Востока

льстецов. Однако бедствия прошлых веков проистекали оттого, что не было таких правителей, которые не подвергали наказаниям верных и справедливых и не осчастливливали незаслуженно льстецов и клеветников. Ведь слушать верных подданных трудно, а следовать [речам] льстецов легко. Правдивые слова не приятны для слуха и часто не принимаются. Беспринципные речи соответствуют желаньям и находят немедленный отклик» [12, цз. 91.51, с. 5а].

100. Букв.: с вышивками (*фу фу* 黼 黻). Такая вышивка представляла собой по форме две скрещивающиеся черно-белые секиры (с черной рукояткой и белым клинком) и иероглиф *гун* 弓 (лук) и его обращение («спина к спине») из чередующихся синих и черных линий. Такая вышивка относилась к числу двенадцати символов (*ши эр чжан* 十二章), изображавшихся на одеянии императоров древности. Число двенадцать соответствовало числу созвездий зодиака и числу месяцев в году, кроме того, двенадцать кратно трем (основному числу Ян), причем три множится на четыре (число сезонов года, которыми управляет Небо) [26, с. 41, 51]. Все символы перечислены в «Шу цзин». «Я хочу, — говорил император Шунь, — видеть символы древних людей — солнце, луну, звезды, горы, драконов, узорных фазанов, изображенных вместе [на верхней одежде]; жертвенные сосуды, водоросли, пламя, рисовые зерна, скрещивающиеся секиры и два иероглифа гун, повернутые спинами друг к другу, вышитыми по полотну [нижней одежды] разноцветными нитками. [Я хочу] установить [соответствующую рангам] одежду, и вы, [мои приближенные], будете четко следовать установленным образцам» [19, цз. 2. 5, с. 10а—10б; 25, с. 80—81]. Согласно древнейшей традиции, двенадцать символов не служили знаками различия аристократии или эмблемами государя — таким образом эта система истолковывалась лишь впоследствии. Изображение на одежде солнца, луны и звезд стало исключительной привилегией императора, что же касается *чжухоу*, то чем меньше был их ранг знатности, тем меньше символов из перечисленных позволялось иметь им на одежде.

101. Здесь имеется в виду следующее высказывание Мэн-цзы: «На кухне есть жирное мясо, на конюшне — тучные кони, а народ выглядит голодным, и на пустырях валяются трупы умерших. Это значит давать животным пожирать людей» [5, цз. 1.1, с. 7а].

102. Символизировать сосредоточенность императора на главном должен был, в частности, головной убор *мян* (см. примеч. 74), одна из функций которого состояла в том, чтобы с помощью нефритового украшения *юй цао* 玉藻 оберегать взоры от суетности внешнего мира, в том числе от блеска драгоценностей и редких безделушек), а с помощью элемента *тянь* (или *тоу куан*) преграждать путь сладострастной музыке, льстивым речам и т. д. Украшение *юй цао* выглядело следующим образом: «тулья» головного убора *мян* венчалась навесом, спереди и сзади которого свисал ряд нитей, называемых *цзю* 紉 (конец). На нити были нанизаны нефритовые шарики *юй чжу* 玉珠. Нить вместе с шариками называлась *лю* — «нефритовая струя». Нити были сплетены из пятицветных нитей, а шарики выточены из нефрита, тоже, как и нити, пяти цветов. Навес, на котором крепились шарики, воплощал союз Неба и Земли, а *юй цао*, как бы стекающее с навеса потоками пятицветного ливня, символизировало результат этого союза — все сущее как круговорот пяти стихий. Элемент *тянь* (*тоу куан*) представлял собой шарик (или фигурку другой формы), который укреплялся на уровне уха на конце шнура. Шнур этот прикреплялся к шпильке, с помощью которой головной убор

нести и установить этот столб у северных ворот, получит десять монет. Все были крайне удивлены, и желающих перенести столб поначалу не находилось. Когда же Шан Ян увеличил вознаграждение до пятидесяти монет, нашелся один человек. Он перенес столб и получил за это пятьдесят монет. И тогда народ убедился, что Шан Ян не дает пустых обещаний.

110. Букв.: голод и холод (*цзи хань чжи хуань* 饑寒之患).

111. «Добродетель благородного человека подобна ветру, низкого — траве. Ветер обязательно пригибает траву», — слова Конфуция [4, цз. 6.12, с. 19а].

112. Когда правитель княжества Юэ Гоу-цзянь (на троне с 475 по 463 г. до н. э.) собрался покарать княжество У, он заявил, что не может пока добиться от своих воинов абсолютной храбрости и мужества. Увидев однажды на дороге лягушку, вздувшую свой живот при его приближении, он поклонился ей и заявил, что, воспитав у воинов боевой дух, равный гневу этой лягушки, он никогда не потерпит поражения.

113. Правитель маленького княжества Сюй, существовавшего в начале периода Чжоу на территории нынешней провинции Аньхуй, Янь известен тем, что, позабыв о подготовке своей армии, решил совершенствоваться в методах гражданского управления. В результате княжество было завоевано Вэнь-ваном (на троне с 689 по 677 г. до н. э.), правителем Чу, а сам Янь был убит.

114. Буквально такое выражение в «Лунь юй» отсутствует.

115. Просвещенность, гражданские занятия, культурность — *вэнь* 文.

116. Ученость — *сюэ* 學.

117. Бамбук из княжества У славился своей прочностью.

118. Шесть искусств (*лю и* 六藝): этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, математика — комплекс знаний и умений, необходимый для достижения достойного положения в обществе.

119. Букв.: пренебрегают учебными заведениями (*цзянь сянской* 賤庠序).

120. Совершенство правителя, ведущего войну, проявляется в следующих семи достоинствах (добродетелях, *ци дэ*): не допускать жестокостей; уметь отказаться от применения оружия; защищать великое; свершать подвиги; умиротворять народ; успокаивать народ; увеличивать богатство.

121. В «Шу цзин» приведены следующие слова Юя: «...добродетель [императора] заключается в хорошем управлении, хорошее управление состоит в том, чтобы накормить народ. Вода, огонь, металл, дерево, земля, злаки [должны] находиться в порядке. Исправление нравов, обеспечение выгоды и улучшение жизни [народа] должно осуществляться в гармонии. Когда [перечисленные] девять заслуг достигаются одна за другой, это знаменуют песнями» [19, цз. 2.3, с. 2а].

Девять заслуг толкуют как шесть сокровищ, три дела (*лю шу сань ши* 六屬三事, *лю фу сань ши* 六府三事), то есть шесть сокровищ природы и три дела государственного управления.

122. Здесь приведены незначительно перефразированные слова мудреца Юэ Шэ, первого министра иньского У-дина (1238—1178 гг. до н. э.). Изложив свои наставления правителю о делах управления государством, Юэ подчеркнул: «Не трудно знать это — трудно осуществлять» [19, цз. 5.13, с. 11а].

Список использованных источников и литературы

1. Гуань-цзы. — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 1378—1381.
2. Ицзин тун чжу («Книга перемен» с полным комментарием). — Цуншу цзи-чэн. Шанхай, 1936, т. 434—435.
3. Лици Чжэн Сюань чжу («Книга этикета» с комментарием [господина] Чжэн Сюаня). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 27—34.
4. Луньюй (Беседы и суждения). — Сыбу цункань. Шанхай, 1928, т. 11.

Танский Тай-цзун. Правила императоров

5. Мэн-цзы Чжао чжу (Трактат «Мэн-цзы» с комментарием [господина] Чжао). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 60—63.
6. Синь Тан шу (Новая история династии Тан). Сост. Оуян Сю и др. — Сыбу цункань. Шанхай, 1936, т. 75—78.
7. Сыку цюань шу цзяньмин мулу (Краткий каталог полного собрания книг по четырем разделам). Сост. Юй Жун. [Б. м. , б. г.].
8. Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь (Всеобщее обозрение событий, управлению помогающее). Пекин, 1956, т. 7.
9. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 416—438.
10. Тан Тай-цзун. Дифань (Правила императоров). [Б. м.], 1774.
11. Тан Тай-цзун. Дифань (Правила императоров). — Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936, т. 927—930.
12. Хоу Хань шу (История династии Поздняя Хань). Сост. Фань Е. — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 472—501.
13. Хуанфу Ми. Ди ван ши цзи (Хронология императоров и государей). — Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936, т. 3396.
14. Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Сост. Лю Суй и др. — Сыбу цункань. Шанхай, 1936, т. 72—74.
15. Цянь Хань шу (История династии Ранняя Хань). Сост. Бань Гу. — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 440—470.
16. Чао Гун-у. Чжаодэ сяньшэн цзюньчжай душу чжи (Библиографические заметки из кабинета областного управления господина Чжао-дэ). — Сыбу цункань. Шанхай, 1936, т. 197—204.
17. Чунь цю Цзо чжуань гу (Комментарий к летописи «Чунь цю» с разъяснениями). — Сыбу бэйяо. Шанхай, 1936, т. 252—259.
18. Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи-чжай шулу цзети (Аннотированный каталог библиотеки [господина Чэнь] Чжи-чжая). — Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936, т. 44—48.
19. Шу цзин (Книга документов). — Сыбу цункань. Шанхай, 1928, т. 2.
20. Васильев В. П. Примечания на второй выпуск китайской хрестоматии. СПб, 1884.
21. Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972; Т. 2. М., 1973.
22. Попов П. С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб, 1911.
23. Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы. СПб, 1904.
24. Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Под общ. ред. Р. В. Вяткина. Вступ. ст. М. В. Крюкова. Т. 1. М., 1972; Т. 2. М., 1975; Т. 4. М., 1986.
25. Legg J. The Chinese Classics. Vol. 3, pt. 1, 2. The Shoo King, or the Book of Historical Documents. London, 1865.
26. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактат в литературе и искусстве. М., 1975.
27. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.

I. F. Popova. The Political testament of T'ang T'ai-tsung «Rulers for Emperors» («Ti-fan»). Foreword, Translation, Commentary.

The publication represents the full translation in Russian (including foreword and commentary) of the political testament of T'ai-tsung (627—649), one of the founders of the Chinese dynasty of T'ang (618—907). The testament contains the main Chinese medieval emperor's concepts concerning state government and political behavior of the Son of Heaven.